
М. В. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

Поэтика древнерусской литературы в трудах Д. С. Лихачева¹

Когда-то акад. Н. К. Никольский писал о принципиальной невозможности рассматривать древнерусскую книжность, знатоком которой он был, как литературу на том основании, что не все еще памятники древнеславянской письменности собраны и описаны и что «до половины XVII в. библиотечная монастырская книга жила под влиянием богослужебно-учительных, а не литературных задач».² Это верно только отчасти. Н. К. Никольский не учитывал того факта, что в литературную задачу средневекового автора входила именно учительность и что главным образом она была элементом этой задачи. То, что древнерусская книжность является особой литературой, а не только собранием отдельных текстов, сохранившихся в рукописях, открыл нам в полной мере Дмитрий Сергеевич Лихачев. Его научное наследие еще не до конца осмыслено и оценено. Поэтому и разговор о поэтике древнерусской литературы, как ее реконструировал и описал Д. С. Лихачев, поневоле будет пока фрагментарным.

Д. С. Лихачев напомнил нам о том, что древнерусская литература в действительности литература молодая и что не ей, а нашей сегодняшней литературе тысяча лет. Д. С. Лихачев напомнил и о том, что древнерусская литература — формирующаяся, что она находится в начале пути. Поэтому две темы определяют, на мой взгляд, работы Дмитрия Сергеевича о поэтике древнерусской литературы — тема ее молодости и тема ее развития.

Д. С. Лихачев напомнил также об отличиях эстетических устремлений древнерусских книжников от устремлений писателей нового времени, о зависимости средневековой русской литературы от феодального уклада (разного в разные эпохи), его быта и ритуала. Д. С. Лихачев на русском материале противопоставил средневековое искусство обряда искусству игры. Он ввел в филологию понятия: «литературный этикет», «абстрагирование», «трансплантация», «нестилизационное подражание», «стиль эпохи» и т. д., он написал о

---

¹ Доклад, прочитанный на Первых Лихачевских чтениях в ИРЛИ РАН 29 сентября 2000 г

² См. Рождественская М. В. Н. К. Никольский — исследователь древнерусской книжности // Духовное, историческое и культурное наследие Кирилло-Белозерского монастыря К 600-летию основания СПб, 1998 С 103

поэтике художественного времени в древнерусской литературе и поэтике художественного пространства в ней, о многом вообще впервые, но теперь нам порой кажется, что эта литературоведческая терминология существовала всегда. Итоговая для этого направления научного творчества Д. С. Лихачева книга, впервые вышедшая, как мы хорошо помним, в 1967 г., была им так и названа «Поэтика древнерусской литературы».³ С. С. Аверинцев в предисловии уже к своей книге «Поэтика ранневизантийской литературы» назовет этот труд Д. С. Лихачева «классическим образцом научного жанра».⁴ Думаю, что и Кр. Станчев, автор «Поэтики древнеболгарской литературы», не откажется от плодотворного воздействия на него идей Д. С. Лихачева: «...благоприятное влияние на развитие и верную методологическую направленность этого интереса оказали труды советских литературоведов-медиевистов и, прежде всего, В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачева».⁵

Существуют несколько способов описания средневекового текста. Все зависит от точки зрения. Д. С. Лихачев исследует древнерусскую литературу с точки зрения исторической и нормативной поэтик, что оказывается чрезвычайно плодотворным и позволяет ученому реконструировать «историко-нормативную» поэтику литературы Древней Руси. Столь целостно к изучению средневековой русской литературы не подходил никто. Не касаюсь вопросов формирования жанровой системы древнерусской литературы или известного термина «трансплантация», впервые введенного Д. С. Лихачевым при описании явлений рецепции византийской литературы на славянской почве, скорректированного затем Рикардо Пиккио и не вполне принятого В. М. Живовым, — это тема отдельного разговора. Напомню лишь, что «трансплантация» вовсе не понималась Д. С. Лихачевым как простое влияние и что нигде ученый не писал о том, что древнерусская система литературных жанров складывается на основе сплошь византийской.

Жаль только, что в недавно вышедшем 1-м томе сборника «Из истории русской культуры» в серии «Язык. Семиотика. Культура», посвященном Древней Руси,⁶ среди статей современных исследователей по истории и типологии культуры почти не нашлось места древнерусской литературе, кроме «Повести временных лет», и что из всех работ Д. С. Лихачева в этот том включен лишь небольшой фрагмент из его книги «Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого», вышедшей еще в 1962 г. в научно-популярной серии издательства «Наука», и переизданный в книге 1973 г. «Развитие русской литературы X—XVII вв.», причем фрагмент этот, как и ряд статей других ученых, не датирован годом его первого появления в печати. К тому же в упомянутом фрагменте работы Д. С. Лихачева говорится скорее об общем культурном явлении

³ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967.

⁴ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997. С. 4—5.

⁵ Станчев К. Поэтика на старобългарската литература (Основни принципи и проблеми). София, 1982. С. 6.

⁶ Из истории русской культуры. Т. 1. (Древняя Русь). М.: «Языки русской культуры», 2000. (Язык. Семиотика. Культура).

нии «Предвозрождения», чем о конкретных литературных выражениях этого явления, и хронологически фрагмент не вполне соответствует подзаголовку сборника: «Древняя Русь».

Итак, в «Поэтике древнерусской литературы» Д. С. Лихачева выкристаллизовались и обрели систему многие его более ранние наблюдения над древнерусским летописанием, над ролью устного слова внутри письменного текста (как, например, в работах 1946 г. о посольском обычае в летописи⁷ или 1945 г. об «устных летописях» внутри «Повести временных лет»⁸). Незадолго до своей смерти в 1946 г. акад. А. С. Орлов вместе с В. П. Адриановой-Перетц на заседании Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома заявили проблему изучения художественной природы древнерусской литературы как научную задачу. Отдел возвращался к прерванной Великой Отечественной войной и эвакуацией в Казань стабильной работе. К тому времени вышли первые тома 10-томной академической «Истории русской литературы»,⁹ организатором и душой которых была В. П. Адрианова-Перетц и в написании которых Д. С. Лихачев принимал, как известно, самое активное участие. И хотя эти тома были посвящены в основном истории литературы, но уже из них, особенно при соседстве глав об искусстве Руси соответствующих периодов, написанных искусствоведами, стало ясно, что древнерусская книжность являет собой нечто принципиально иное, чем просто хронологическую смену одних памятников другими.

В 1947 г. выходит книга Д. С. Лихачева о русских летописях,¹⁰ частичный результат его докторской диссертации, и одновременно — замечательная работа В. П. Адриановой-Перетц «Очерки поэтического стиля Древней Руси», о необходимости переиздания которой уже в наши дни не однажды упоминал Д. С. Лихачев и которая действительно через 50 лет не потеряла своего научного значения. В том же 1947 г. В. П. Адрианова-Перетц публикует в «Трудах ОДРЛ» статьи об основных задачах науки о древнерусской литературе за последние 30 лет, ставит проблему изучения взаимосвязей древнерусской литературы и фольклора на материале исторической литературы XI—начала XV вв., а позднее — на материале исторических повестей XVII в. В 1949 г. появляется статья И. П. Еремина о Киевской летописи как памятнике литературы,¹¹ чуть позже, в 50-е и начале 60-х гг., на страницах «Трудов Отдела» и журналов «Русская литература», «Вопросы литературы»¹² возникает дискуссия об основах ху-

⁷ Лихачев Д. С. Русский посольский обычай XI—XIII вв. // ИЗ. 1946. Т. 18. С. 42—55.

⁸ Лихачев Д. С. «Устные летописи» в составе «Повести временных лет» // ИЗ. 1945. Т. 17. С. 201—224. См. также: Лихачев Д. С. Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве: Сб. исследований и статей / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950.

⁹ История русской литературы. Т. 1. Литература XI—начала XIII века. М.; Л., 1941; Т. 2. Литература 1220-х—1580-х гг. Ч. 1. М.; Л., 1946.

¹⁰ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.

¹¹ Еремин И. П. Киевская летопись как памятник литературы // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 67—97.

¹² Еремин И. П. 1) Новейшие исследования художественной формы древнерусских литературных произведений // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 384—291; 2) О художественной специфике

дожественного метода и о художественной специфике древнерусской литературы, а в середине 1950-х гг. — о так называемых реалистических тенденциях в ней. Уже тогда Д. С. Лихачев в статье «У предыстоков реализма русской литературы»¹³ высказывает суждение о том, что реализм — далеко не всеобъемлющее и не «высшее» направление литературы. Он четко разграничил понятия «реализм» и «реалистичность». Не стоит забывать, что это было сказано в нашей стране в середине 1950-х гг.! Наконец, в 1958 г. выходит одна из самых новаторских книг Дмитрия Сергеевича в области исторической поэтики — «Человек в литературе Древней Руси», которую в предисловии ко 2-му изданию своей «Поэтики» автор назвал тематической предшественницей ее. Образ человека как литературного персонажа рассматривался в «Человеке...» с точки зрения жанровых особенностей конкретных литературных памятников и методики работы средневекового автора. Это была самоотверженная художественная реабилитация средневековой христианской литературы. Таков в общих чертах историко-научный контекст, в котором появлялись в середине века теоретические труды Д. С. Лихачева.

Для широкого читателя «Человека...», как позже для читателей книги о смехе в Древней Руси (а их читательская аудитория стала не только строго научной), Дмитрий Сергеевич впервые открыл на русском материале ряд идей Льва Платоновича Карсавина, «евразийцев», французских «анналистов», о. Г. В. Флоровского, М. М. Бахтина, по вполне понятным сейчас причинам не называя их имен, но иногда споря с ними, внося новые наблюдения и зачастую по-новому расставляя акценты. Ведь в 1958 г., когда вышел «Человек...», многие эти имена не были столь широко известны, как сейчас, а книги недоступны. Более того, так называемый формальный метод в русском литературоведении, ранние работы по теории литературы и поэтике Б. В. Томашевского, В. Б. Шкловского, Ю. Н. Тынянова, Б. М. Эйхенбаума оставались все еще «полупризнанными». Теория литературы как академическая наука, поэтика как научная дисциплина не очень-то почитались и в стенах Пушкинского Дома. Д. С. Лихачев стал одним из первых, кто вернул из забвения и обвинения в идеализме многие классические теперь имена, строя свою поэтику древнерусской литературы с учетом их исследовательского опыта, выработанного на изучении русской литературы XVIII—XIX вв.

Создав фундаментальную науку о древнерусской литературе, ее текстологию, Д. С. Лихачев одновременно создает и открытую для широкого дальнейшего исследования науку — поэтику этой литературы. «Эстетический анализ

древнерусской литературы // РЛ. 1958. № 1. С. 75—82; 3) К спорам о реализме древнерусской литературы // РЛ. 1959. № 4; Андрианова-Перетц В. П. 1) Об основах художественного метода древнерусской литературы // РЛ. 1958. № 4; 2) О реалистических тенденциях в древнерусской литературе (XI—XV вв.) // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16; Лихачев Д. С. 1) Об одной особенности реализма // ВЛ. 1960. № 3. С. 53—68; 2) К изучению художественных методов русской литературы XI—XVII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 5—28; 3) В чем сущность спора о реалистичности в древнерусской литературе // РЛ. 1965. № 2. С. 59—69.

¹³ РЛ. 1957. № 1.

памятника литературы прошлого, — писал он, — должен основываться на огромном реальном комментарии».¹⁴ Исключались всякая приблизительность, вызванная невежеством, всякий эмоциональный «импрессионизм» в науке. Недаром впоследствии Д. С. Лихачев неоднократно говорил и писал о точности серьезного литературоведения.

Что же в изучении поэтики древнерусской литературы Д. С. Лихачевым представляется мне наиболее важным?

Важно то, что об очень многих явлениях он сказал впервые.

Он развенчивает миф об отъединенности и замкнутости древнерусской литературы и миф об ее обособленности, исходя из географического положения Русской земли между Востоком и Западом. Д. С. Лихачев первый заговорил о европеизме русской литературы, «чрезвычайно высоком при самом ее зарождении, когда русская литература составляла некое единство с литературами стран православной Европы».¹⁵ В плане изучения литературных приемов впервые именно Д. С. Лихачев применил понятие «орнаментальности» к древнерусским литературным текстам. Конечно, само это явление было описано и до Д. С. Лихачева, но он его уточнил и конкретизировал, как уточнил и систематизировал многие чрезвычайно ценные наблюдения И. П. Еремина над древними текстами в различных его статьях. Опираясь на высказывания лингвистов (прежде всего В. В. Виноградова и Г. О. Винокура) о функциях слова в поэтической речи, Лихачев обращает внимание на его контекст и вводит понятие «прибавочного элемента», который создается этим контекстом. Возражая против обычного определения литературы как «искусства слова», Д. С. Лихачев называет литературу «искусством преодоления слова», т. е. преодоления обычного, «расхожего» его смысла и вскрытия в слове его «сверхсмысловой сущности».¹⁶ Он исходит из представления о динамичности художественного слова. Понятие художественности, столь расплывчатое в трудах многих литературоведов, под пером Д. С. Лихачева приобретает четкие контуры. Он определяет ее как ощущение читателем единичности сделанной творцом художественной находки, и если это ощущение пропадает, пишет Д. С. Лихачев, пропадает и художественность речи. Отсюда интерес ученого к традиционным формулам в древнерусской литературе и формульности в целом. «Традиционная формула, — писал он, — есть как бы сама маленькое художественное произведение. В этом глубокое своеобразие художественной речи Древней Руси».¹⁷

Важно то, что, как редкий сейчас филолог, остро чувствуя слово и понимая, что литература не существует без языка своей эпохи, Д. С. Лихачев, изучая систему литературных жанров, выделял, как мы теперь сказали бы, разные типы текста в зависимости от их нарративной стратегии и от их функции в ритуально-речевой практике Древней Руси. Д. С. Лихачев, говоря современным языком, исследовал парадигматику и прагматику средневекового текста.

¹⁴ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М., 1979. С. 356.

¹⁵ Там же. С. 9.

¹⁶ Там же. С. 113.

¹⁷ Там же. С. 114.

Важно и то, что, описывая поэтику литературы как систему целого, Лихачев рассматривал средневековую книжность и средневековое изобразительное искусство как противопоставленные зеркала (его выражение). Дело, конечно, не в простом отражении, не в общих сюжетах и не в иллюстративности только. Дело в едином художественном языке христианской картины мира. Изображение прочитывается ученым как литературный текст, а литературный текст — как изображение: «Зримое рассказывает — рассказываемое зримо».¹⁸ Вот почему столь новаторской оказалась книга, написанная совместно с В. Д. Лихачевой, о литературе и искусстве Древней Руси.¹⁹ Присущий средневековому искусству определенный синкретизм вызвал у авторов и сходные методы его изучения. Авторы обратили внимание не только на сопровождающее значение книжного текста по отношению к иконе, фреске, миниатюре, а на значение этого текста как источника и образца для изображения. Это добавило зоркости и литературоведам, и историкам искусства, многие из которых по праву считают Д. С. Лихачева своим.

Анализируя приемы работы средневековых книжников, Дмитрий Сергеевич вырабатывает в своих статьях и собственную исследовательскую систему приемов, продиктованную древнерусским словесным материалом, его христианской образностью. Так, он применяет образы пахоты, взращивания хлеба и евангельский образ плодоносящего слова, слова как духовного хлеба в рассуждениях о нестройности древнерусской литературы, о неравномерном характере ее развития. Он пишет о петровской эпохе как о некоторой остановке литературы перед последующим скачком: «Плуг перестал пахать землю, его удалось легко переволочить через большую полосу, оставив ее непаханной. Когда же он снова зарылся в почву, появились Ломоносов, Фонвизин, Державин и, наконец, когда пахота стала ровной и глубокой, — Пушкин».²⁰ Эта картина земледельческого труда как духовного делания, конечно, вызывает в памяти знаменитую летописную (под 1037 г.) похвалу князю Ярославу Владимировичу как покровителю книжности и продолжателю дела своего отца, Владимира Святославича, крестившего Русь: «Отец ведь его Владимир землю вспахал и размягчил, то есть крещением просветил. Этот же засеял книжными словами сердца верующих людей, а мы пожинаем, учение принимая книжное».²¹ Еще пример. Подобно тому, как средневековый книжник «надевает» различные добродетели на своих героев («храбростию препоясан», «мудростию повит» — часто говорится о князе-воине и т. д.), Д. С. Лихачев «одевает» литературные жанры. Все помнят его сравнение жанров с родами оружия в войске. «Каждый род оружия одет в свою форму, — пишет ученый, — то есть обладает своим стилистическим строем, „жанровым мундиром“». Парчовые облачения церковных

¹⁸ Там же. С. 54.

¹⁹ Лихачева В. Д., Лихачев Д. С. Художественное наследие Древней Руси и современность. Л., 1971.

²⁰ Лихачев Д. С. Поэтика... 3-е изд. С. 19.

²¹ Повесть временных лет / Подгот. текста, перевод, статьи и коммент. Д. С. Лихачева; Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996. С. 204.

жанров и военные доспехи воинских повестей перемежаются более бедными, обиходными формами светских и деловых жанров».²² Рассматривая повествовательное пространство как выражение повествовательного времени в литературе и изобразительном искусстве Древней Руси, Д. С. Лихачев вспоминает миниатюристов Радзивилловской летописи: «Очень часто повествователь как бы подготавливает материал для миниатюриста, создавая последовательность сцен — своеобразную кольчугу рассказа».²³ Это замечательное выражение Д. С. Лихачева позволяет сразу почувствовать сам процесс составления средневековым книжником литературного текста. Очень важная особенность взгляда ученого на поэтику древнерусской литературы — уже упомянутый мной мотив ее развития, мотив движения. И. П. Еремин и Д. С. Лихачев первыми обратили внимание на необычайную «подвижность» летописного повествования. Отмечая обилие глаголов движения в «Повести временных лет», особенность летописцев мысленно стремительно переносить события из одной географической точки в другую, заставляя читателя следовать за ними, Дмитрий Сергеевич развил это наблюдение не только на материале летописей, но и анализируя, например, «Слово о полку Игореве» или «Слово о погибели земли Русской». Он и сам, говоря о древнерусской литературе и языке, пользуется образами движения. Он пишет о постоянном взаимодействии древнерусского и церковнославянского языков и о том, что литературный этикет требовал иногда быстрых переходов от одного языка к другому: «Эти переходы совершались порой на самых коротких дистанциях — в пределах одного произведения».²⁴ Автор для убедительности «играет» значениями глагола «переходить».

Смысл работ Д. С. Лихачева о поэтике древнерусской литературы, однако, не исчерпывается только древнерусской литературой. Они заставили их автора по-иному взглянуть и на русскую литературу нового времени, XIX и начала XX в. Оттуда, из древности, яснее видно. В отличие от литературоведов, пытавшихся применить исследовательские приемы, выработанные на анализе текстов новой русской литературы, к текстам средневековым, Д. С. Лихачев шел обратным путем — он посмотрел на новую русскую литературу не с конца, не из завершения ее, а из начала, глазами средневекового книжника. Это был прием своеобразного научного «остранения», позволяющий увидеть то, чего не замечали другие. Достаточно вспомнить, сколь свежими оказались его высказывания о «летописном времени» у Салтыкова-Щедрина, наблюдения над авторской манерой Лескова, Льва Толстого, Гоголя или Блока.²⁵ Он увидел в классических произведениях русской литературы их древнерусскую основу и через нее объяснил в новой литературе то, что не всегда поддавалось объяснению: переклички мотивов, общие принципы описания, позицию описывающего и т. д. Он обратил внимание на то, что принято называть интертекстуальностью и что активно изучается в последнее время. Д. С. Лихачев дал также свое

²² Лихачев Д. С. Поэтика... 3-е изд. С. 73.

²³ Там же. С. 36.

²⁴ Там же. С. 84.

²⁵ См.: Лихачев Д. С. Литература—Реальность—Литература. Л., 1981.

истолкование явлений русского художественного авангарда 1920-х гг., исходя из изучения средневековой миниатюры, изображенного слова. «Для меня важна связь времен, — писал Д. С. Лихачев, — связь и цельность художественного развития русской литературы».²⁶

Труды по поэтике древнерусской литературы Дмитрия Сергеевича Лихачева — это «открытая книга» в прямом и переносном значениях слова. В прямом, потому что она всегда лежит у нас на рабочем столе, в переносном — потому что дает возможность исследователям добавлять новые наблюдения и сверять с положениями автора свои мысли. Она современна в высшем смысле, как современны Аристотель или Шекспир. Я думаю, что именно о подобных работах писал замечательный филолог Александр Викторович Михайлов: «Такие литературоведческие труды никогда не приводили к абсолютной окончательности, чтобы ее оставалось только принять к сведению и зазубрить. Они, напротив, давали такой принципиальный итог литературоведческой мысли, который по мере возможностей не был субъективным и случайным и который, будучи основательным, мог обдумываться и осмысляться с пользой для дальнейших, новых осмыслений литературных процессов. В таком принципиальном итоге заключалась специфическая точность подобных трудов...».²⁷

Таковы и поэтика, и поэзия древнерусской литературы, открытые для нас Дмитрием Сергеевичем Лихачевым.

---

²⁶ Лихачев Д. С. Поэтика... 3-е изд. С. 20.

²⁷ Михайлов А. В. Языки культуры: Уч. пособие по культурологии. М.: «Языки русской культуры», 1997. Раздел I. О методе и предмете в науке о культуре. С. 31.